

и мотыльки слетают на огни,
как на ночную службу одноверцы...
Представь, Господь, что мы с Тобой одни,
и разреши Твое услышать сердце.
Пока глаза от нежности светлы,
не дай поникнуть розам простодушным —
оставь нас в капле солнечной смолы
с крылом шмеля и пузырьком воздушным.
Раздвинув сумрак скорченных ветвей,
взгляни с небес и помани нас раем,
пока в янтарной комнате Твоей
с лучом последним в салочки играем.

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкой весенний разбой,
Полет вразной и пронзительный крик человечесий?
Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела березы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески, и бабочки, и голубые стрекозы?
Зачем во все небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?
Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает, трубя,
И блещут, и плещутся синие древние волны?
И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда — помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

ПОВОД

Уехать в лес (придумать повод —
по грибы),
бродить по долу:
не по долгу, по любви,
где ливень веток
в теплом воздухе лесном
целует свет
ветхозаветный
перед сном.

Ох, эти поводы —
студеная вода:
ночные проводы,
тугие провода,
червем источенный
сквозного сердца плод —
овраг, обочина,
окраинный оплот.
Идешь покорно
у судьбы на поводу:
топор по корню брать,
по норову — узду.
Рябиной к дубу льнешь,
и берегом — к реке,
и держишь душу
на
коротком поводке.

ЗОЛОТОШВЕЙКА

Кудри — под темный плат, Очи — на вечный плач. Делай — что повелят, Перлы да перстни прячь.	Перышки и круги Вытки в узор иной: Тки жениха шаги, Тки поцелуй ночной.
--	--

Вот тебе три холста — Золотом ткать цветы. Если молчат уста, То говорят персты.	Тки для него судьбу: Пасху и Рождество, И завиток на лбу Первенца своего...
--	--

Тки золотым руном Все, что в тебе болит, Ибо нет ни в одном Требнике сих молитв.	И припадая ниц — После — под образа! ...Старых-то мастериц Слепнут, поди, глаза...
---	---

СОН О ПЛЕМЕНИ

И мы одно. Мы рядом у костра.
Нам прямо в очи ночь глядит по-рысьи.
К затылку мне заботливо сестра
Прохладные прикладывает листья.

Вот Матерь Лун. Я вижу наяву,
Как у нее подрагивают веки.
...И брат с улыбкой правит тетиву,
И дед в огонь подбрасывает ветки.

То дикий кот крадется вдоль реки?
Или сычи во тьму роняют возглас?..
Могучий страж глядит из-под руки
За край зари, и дымом пахнет воздух.

ПЕСЕНКА

Когда я стану очень старой,
Я буду жить на чердаке
С совой, собакой и гитарой,
Как одуванчик — налегке.
Я раздарю своим знакомым,
Что им придется по душе,
И стану вовсе невесомой,
С руки сдуваемой уже.
Потом друзей моих отпустим —
Лететь к ручью или к лучу...
И никакой не надо грусти,
Когда я тоже — полечу.

Елена ЛУКАНКИНА

ТРИНАДЦАТЬ ПИСЕМ ЛЕНИНГРАДУ

1

Город мой! Не беспамятство, а наследие
я оставлю. И помните, люди, помните,
эту девочку Женю — воевавшей в далекой комнате,
принимающей детство — голодное, семилетнее.
Это лето ее. Это лето мое последнее.

2

Какая птичка славная! С трудом
тянусь к окну — на эти птичьи речи,
и как это не по-человечьи
искать ее своим трехзубым ртом.
И вот уже голодным животом
едва слышна, как в животе щебечет
та птичка. И по радио потом
она удары щелкает под вечер.

Елена Львовна Луканкина — поэт, прозаик, драматург, журналист, критик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор шести книг. Обладатель Всероссийской премии «Светить всегда» им. Владимира Маяковского.

3

А ночь ревет, как зверь перед расстрелом.
И метроном ударным занят делом.
Сто пятьдесят — короче и короче.
Куда ж ты, папка,
снишься мимо ночи.
Ты этот город закрываешь телом.
А дочь твоя жует во сне веночек.
Он пахнет полем, пахнет летом прелым.

4

Как в июле сорокового,
лета сытого, лета нефронтового,
из соломы, полыни, ситника, разнотравья
на Купалу венки готовы.
Да сыщи те головки, с холма собирать какого —
эти синие глазки, эти глазенки карие.
Все в веночке одном, помяни как иван-да-марья.

5

Лето, расколотое на жар и бред.
Икона в углу говорила — в той бездне зала,
где плитку столярного девочка семи лет
сварила последнюю. Неделя — под одеялом.
И женщина-мать над ребенком:
— Не страшно, нет,
ты — ленинградка... — и большего не сказала. —
Спи, моя птичка, голод — не тетка, не дед,
а мальчик соседский, который и есть скелет.
Спи — это все, что по силам стало.

6

Луч в заплате оконной высверлил деревяшку.
Буди мамку и младшенькую Наташку.
Живы! Живы! Птица без головы
загремела в патрон, в потолке загнездила чашку.
Пожевать бы в три зуба последний клочок травы,
чтобы ветер — под колокол: в исподнюю бил рубашку.
Буди родненьких, будто бы не мертвы:
мамка землю выгрызет,
Наташка вымерзнет из Невы.

7

За комнатой — комната, комната. Коридор.
Пройди его до конца, до окна — во двор.

Ставни вытряси, чтобы воздух заныл в груди,
как город встает смерти наперекор,
и солнце маслом льется до десяти.
Ленинград — страшное позади.
А впереди —
коридор,
до которого не дойти.

8

Мальчик, тот самый, за стенкой лежит давно.
Голубоглазый солдатик.
Ты был бы мне
люб. Но за нас, маленьких, решено —
ты залежался там. Я лежу на дне
панцирной сетки, и держит меня одно
слово — папка... Как ты там, на войне?

9

Аромат — на всю улицу развезет —
то ли хлеба, то ли сладкого сквозняка.
Но подняться — сил не хватит наверняка.
К булочной редкий народ несет.
Это, мамка, конец.
Это, папка, еще не все.
Жизнь трудна в Ленинграде, а смертью она легка
в этом городе детского дневника.

10

Вот и семь превратились в долгие шестьдесят.
От девочки — ни следа.
Как старуха съела ребенка — кто из живых ребят
спросит Нину Петровну. Не говорят
о таком на уроках. Это когда года
за недели идут: семь — как за шестьдесят.

11

Вареных книг давно забытый вкус,
ремня отца. Последний всполох чувства —
уходят все, а книги остаются.
Еще напишут. Дети наизусть
заучат. Жизнь — тяжелое искусство,
и самому прекрасному из чувств
учусь,
учусь,
учусь,
учусь,
учусь...

12

Все меня хоронить пришли:
и фонарь, и дерево, и трамвай,
город ко мне пришел — так вставай, вставай,
но икона в углу нашептала по мне молитв.
Ты клади ее, чтобы кругом трава.
Ешь ее горькую, сколько надо себе стели.
Вот окно — ты дошла.
Ты пришла
в Ленинград Земли.

13

Найдете — и дело сделано.
Положите меня посреди моего народа,
одного Ленинграда — неотрезанного и целого.
А вернется папка — он не был у нас два года,
и поднимет дом, и посадит у дома дерево,
где жена и дочери. И в город придет суббота.
А за ней воскресенье. И будет у нас работа —
хлеб нести по домам — мимо Лиговского до Литейного.

НЕВСКИЕ ВОРОТА

Нет каторги в стране и смертной казни,
и не осталось, в общем-то, варяг,
а Невские ворота говорят —
нет выхода из крепости опасней,
чем в Шлиссельбург билет на первый ряд —

на выход ночью к пристани угрюмой,
чтоб узники, ступившие из тьмы,
не колебали хрупкие умы,
не подвели к неотвратимой думе —
не зарекайся, смертный, от сумы

и от тюрьмы не зарекайся тоже,
да из избы не выноси-ка сор.
Сегодня ты — поэт, а завтра — вор.
Сегодня ты с лицом, а завтра кожи
нет на тебе — исполнен приговор.

Ворота смерти — говорят в народе.
Народ без близкой смерти не живет,
и в этом назначение находит.
Науки светоч — тот ее выводит,
труда поборник — тот ее кует.

Работают и Невские ворота —
на подневольный труд, лицом к стене.
Страна большая. Почему бы не
умедлить колебания народа,
когда такое завелось в стране.

Куда самодержавная Расся
ушла? В одной — стакан. В другой — кутья.
За смерть такого миробытия.
Ворота. Крепость. Лодка. Ротозей.
Пейзаж страны. История ея.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ

Влюбиться с первого дождя,
как с первого родного взгляда,
в его величие входя —
под купола и колоннады.
Нырни в парадных рукава —
на восхождении,
в проеме,
завечереет голова,
мальчишка пробежит знакомый
в кольчуге звонкой на врага,
а следом —
дама в чернобурке.
Заговоренные века
живут, как духи, в Петербурге.
Дома достали из печи —
искусных форм,
в резном окладе,
и подворотен скрипачи
зовут в глубь сумрачных громадин.
Все явно:
распахни глаза —
у зорких окон взгляд весталок,
на крышах — неба волоса,
высоколобье коммуналок —
в испарине,
и воздух сыр
в натуженном соседстве судеб.

Такие же —
война и мир —
под камнем.
Время не рассудит...
Блеснули рельсы.
Мерный стук
трамвая.
Тихие каналы,
как часовые на посту.
Что видели они, что знали?
И ты, прохожий до пещер,
над ними принимаешь голод.
Впадает сын,
впадает дочь,
как устья, в судьбоходный город.
Не будет суше и новей —
вода в ненастье настоялась.
Ветрами город на Неве
священ.
Рукоположен в старость.
К какому краю ни причаль —
висит его отцовья хмурость,
лежит мощеная печаль,
встает воздвигнутая мудрость.

ГОЛОС ТАНИ

На острове Васильевском Нева —
как голоса, о чем-то горьком шепчут.
Вот голос Тани — о своих ушедших.
Все умерли. А я еще жива.

Идет в окне зима из белых лиц.
Последняя зима. Дневник дописан.
Блокадный Ленинград из детских писем —
история из девяти страниц.

Холодная Нева сороковых —
как голос Тани. В голосе — усталость.
На острове Васильевском осталась,
осталась только Таня из живых...

ОКНО БЛОКА

Матисов остров. Пряжка. Церкви.	И тень его, и папироса.
Над краем леса фабрик дым.	И пламя в небе над водой.
Треноги мачт и краны верфей.	Городовые и матросы.
Туман над городом и стынь.	И призраки на мостовой.

Река под Банный мост в изломе.	Лихое время — не угнаться.
От моря пряность. Чаек крик...	Где царь, где вождь? Кто мертв, кто свят?
Все — в том окне в доходном доме.	Лист. Лампа. Руки. Стол. «Двенадцать».
Там жил поэт. Там запах книг.	Санкт-Петербург и Петроград.

...На Декабристов — солнца знамя.
На Офицерской — тихий снег.
В окно на Пряжку в черной раме
Серебряный впадает век.

Александра НИКОЛАЕВА

СТАРАЯ ШКАТУЛКА

Когда колючая и злая
Зима не пустит из дверей,
Я целый день перебираю
Шкатулку бабушки моей.

Сокровищ небольшую горстку
Достану из нее на свет —
Булавок, пуговиц, наперстков,
Обертки дорогих конфет,

Александра Николаева родилась в 1988 году в Тамбове. Окончила Тамбовский государственный университет по специальности «История» и магистратуру по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Работает в Тамбовской областной библиотеке им. А. С. Пушкина. Автор четырех книг стихов, публикаций в журналах «Молодая гвардия», «Подъем», «Петровский мост», «Новый Орел + XXI век» и др. Лауреат Первого Всероссийского конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации «Поэзия. Думы и грезы».

Стихов из фронтовой газеты —
И на столе их разложу,
Давно знакомые предметы,
С чем я с младенчества дружу.

И буду искренне дивиться,
Меню сезонное смотря
На желтых и сухих страницах
Столетнего календаря.

И наслаждаясь тишиною
В окне январской полутьмы,
Шкатулку древнюю закрою
Уже до будущей зимы.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Испечь дымящийся пирог —
Воздать хваленье Богу.
И кругл, и сочен каждый слог
У яблока большого.

Дары богатые суля
В саду под мирной сенью,
Гостеприимная земля
Цветет к Преображенью.

Но человеческий язык
Не даст его портрета:
Второго Спаса чудный лик
Средь неземного света.

И я срываю наугад
От лиственной орбиты
Плодов пунцовый звездопад
В авоську и корыто...

Как людям далеко до звезд!
Но их лаская взглядом,
Смеется птица Алконост
Над яблоневым садом.

БУЗИНА

Воли Божьей случайные зрители,
Наслаждаясь тропинкой лесной,
Мы с тобою однажды увидели
Диво дивное прошлой весной.

В майский день, светлый день воскресения
Белоснежный оправив наряд,
Нам знакомые с детства растения,
Как невесты на свадьбе, стоят.

Бузины молодые соцветия
У меня и тебя на пути
Жарким летом оставят наследие,
Желто-красное в сочной горсти...

Но идя в этот лес на свидание,
Мы не знали, друг другом полны,
Что отравлены ягоды ранние
На червлёных кистях бузины

Там, где зубчатые и шершавые
Листья сложены, будто венец...
И губительной стало отравой
Сопряжение наших сердец.

...В годы прежние истину целую
Постигал богомольный народ:
Кто отведаёт ягоду спелую,
Тот жестокою смертью умрет.

* * *

В книге «Осень» яркая обложка,
А прочтешь — и хочется рыдать.
Из библиотечного окошка
Стоит увяданье созерцать.

Город мой встречает октябрины...
Заострились нежных лип черты,
У ветвей летает паутина,
И на землю падают листья.

Угасают, медленно желтея,
Родственны уже с небытием,
Белые роскошные камеи
Некогда цветущих хризантем.

Но пока предгрозовую просинь
Небосвод в дожде не расплескал,
Я вхожу в задумчивую осень
Сквозь ее магический портал...

Там, где время кажется печальным,
Под ногами смелой детворы
Светят листья золотом сусальным,
Будто новогодние шары.

МАМАЕВ КУРГАН

В этих местах, говорят, навсегда
Все проросло тишиною.
В узком пруду недвижима вода,
Птиц не слышать весною.

Или они замолчали с войны,
Или, как петь, позабыли —
Там на погосте у красной стены
Много имен и фамилий.

Только в душе бесконечно звенит
Громче иных песнопений
Стертый ногами тяжелый гранит
К небу идущих ступеней.

И высоко над великой рекой
Меч поднимая в ладони,
Благословляет свой город на бой
Женщина в легком хитоне.

Скорбная складка в изгибе бровей —
Туч вековая громада...
Сколько же ей провожать сыновей
Здесь, у ворот Сталинграда?

Солнцем палящим, прохладным дождем,
Пламенным небом закатным
Вечно их ждать над могильным холмом
И тишиной необъятной.

ВЫШИВКА

Сон уходит за ворота,
Будто с ниткою игла.
Рукодельная работа
К Благовещенью пришла.

Непоседливые пташки
Из-под маминой руки
Вылетают на рубашки,
Скатерти и рушники.

Как, родная, не устала
В предрассветной тишине
Жаворонков нитью алой
Вышивать на полотне?

И как писать, не ведая любви
К родным и дальним?..
Чудо на крови —
Поэзии серебряный треножник
Там, где растет сердечком подорожник.

СОБОР

Напишите из камня роман,
Философский роман-эпопею.
Вы родились, месье Монферран,
Архитектором и чародеем.

Сочиняйте, творец, не боясь
Ошибиться в работе любимой,
Колоколен ажурную вязь,
Мощный купол из Древнего Рима.

Величайший из всех фантазер,
Вдохновение трепетной птицей
Отпустите, и вечный собор
Вознесется в имперской столице.

Для наветов, интриг, клеветы
Так легко отыскать оправданье,
Но художника мысли чисты
И душа — в светозарном молчанье.

Он мечта. Он спасенье в аду.
На войне вдалеке от России,
Тяжко раненный, в жарком бреду,
Вы собор увидели впервые.
И пока удивительный сон
Не окончился выздоровленьем,
Сорок восемь пурпурных колонн
Оставались для Вас наважденьем.

Дописать до финала роман,
Притчу в камне сумеет не всякий.
Ваше дело, месье Монферран,
Защищает святой Исаакий.

ЦАРКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Царскосельский парк — волшебный сон,
В золото по осени одетый.
Пруд, холмы, над ними — Аполлон,
Бог искусств и солнечного света.

Через термы и роскошный грот
Длинная тенистая аллея
Гостя утомленного несет
Вверх по лестнице на галерею

К мраморным и медным божествам
Пантеона Греции и Рима...
То ли это парк, а то ли храм,
Путнику почти неразлично.

И средь лип, как будто между строк,
Видится знакомая картина:
Девушка, утес и черепок
Некогда разбитого кувшина.

И хотя прозрачная вода
Льется из него струей хрустальной,
Юная молочница всегда
Слишком одинока и печальна.

Почему глаза ее темны,
Почему из самой глубины
Сердца, как немолкнувшее эхо,
Горькие рыдания слышны
Посреди русалочьего смеха?

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

* * *

На улицах пустых, где ночь темна, как ложь,
С отростками домов и тайной поворотов,
Разрежут фонари пространство, словно нож,
И высветят на миг бредущего кого-то.
А звезды упадут, в них вязкость паутин,
В них тайны черных дыр весенних луж бездонных,
А космос будет жить в проталинах витрин,
Но только до утра, когда он тоже сонный.

Из космоса посмотреть
На круглую эту твердь,
Лужи и города,
Волны и провода,
Правду, что не найти,
Маленькие все пути,
Время, которого нет,
И появленье на свет.
Что это? И куда?
Выдумка чья-то?
ДА!
Это задумка?
Пусть!
Снег под ногами хрусть...
Воздух и ветер свеж.
Жизнь — это сонм надежд.

Юрий Николаевич Пчелинцев родился в 1961 году в с. Сурава Тамбовской области. Окончил Тамбовское ВВАИУ. Автор четырех поэтических книг. Публиковался в литературно-художественных журналах «Подъем», «Серебро слов», альманахах «Литературный Тамбов», «Тамбовский альманах», «Глаголь Добро». Член Союза писателей России. Лауреат V Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского (2025), обладатель специального диплома V Межрегионального поэтического конкурса им. Майи Румянцевой (2023). Живет в Тамбове.

* * *

Еще не пышет осень позолотой
И дождик не царапает окон.
Неделя не кончается субботой,
Мажором не кончается шансон.
За каждым днем, за мелочью, за сутью
Есть продолженье и его приход.
И будут перекрестки и распутья,
И вечно: повезет — не повезет.
Пойти, понять, как листья ветром дышат
И шлют приветы будущей листве,
Как под ночной прохладой шепчут крыши
В каком-то шелестящем торжестве
О жизни и о чем-то сокровенном,
Понятном только, может, им одним.
А по их скатам, как по жгучим венам,
Прольется ожиданье весен, зим.
На небе есть... И небо есть и будет.
Мерцанью звезд — порядок бытия.
И по Земле гуляют в парках люди,
А где-то между них брожу и я.

* * *

По неокрепшим и льдистым следам
Первого мокрого...
Исчезновений...
Ташатся, липнут к ногам и годам
Белые прочерки хода мгновений.
Тут, пробежавшись, запутать и к двум,
Взять и исчезнуть, запрятаться в лужах.
Ну а пока то ли «плям», то ли «хрум»...
Снег потихоньку с небес низких кружит.
Может, еще не дозрел листопад.
Будет тепло?
Да, оно неизбежно.
Белый вишневый, припудренный сад
Станет темнее и вовсе не нежным.
Ветви прижмутся, соседний забор
Будет виднее, но он не волнует.
Где-то за окнами в вязкости штор
Вялый уют свои сети рисует.
Что-то меняется.
Там и внутри.
Тают следы.
Раз, два, три, раз, два, три...

ПО «АСТРАХАНСКОМУ» МОСТУ...

Любимому Тамбову посвящается

По «астраханскому» мосту
Идти. С горбатой высоты
Смотреть, как будто на посту,
Чуть дальше нулевой версты
Зажглись на солнце купола,
Они, как яркие костры,
Как золотые зеркала,
Как вход в особые миры,
Имеют собственную роль
В проталинах людской души.
В них радость жизни, свет и боль
И наставленья: «Не греши!»
Когда закатные лучи
Пронзят и парки, и дома,
На небе с плавностью свечи
Возникнет лунная хурма.
Мой город, обретая тишь,
Замрет и будет видеть сны,
А меж землей и царством крыш
Заснет дыхание весны.
И важный кто-то на порог
У церкви маленькой, простой
Присядет тихо. Это Бог!
И разольется дух святой.

И разольется дух святой
На город мой, родной Тамбов.

СТИХИ О ЖЕНЩИНАХ И ВОЙНЕ

Стояли молча, слушали огонь.
О памяти кричал он тишиною.
Букет сжимала женская ладонь,
В нем первоцветы бились синевою.
И так всегда, и так из года в год,
Но искренне при этом удивляясь
Тому, что кто-то нынче не придет,
К огню забвенья как бы приобщаясь.
Они — девчата страшной той войны,
Которую забыть народ не вправе.
И к Вечному огню приглашены,
Не думая о доблести и славе,

Стоят тихонько. Медленно слеза
Пропитывает горечью морщинки.
А память отсылает все назад,
Где Тоси, Кати, Маши и Маринки
На женских молодых своих плечах
Несли всю тяжесть бренности военной.
Цветы горели синевою в руках,
Где, как рокады, проступали вены.

* * *

Какая сила первого тепла
Пробила бронь чешуй набухшей почки!
Родятся любопытные листочки,
Чтоб зеленью своей сгореть дотла,
До красноты и хмари октября.
Но молодость ничуть не верит в бренность,
И в том ее особенная ценность:
Бежать вперед и верить, что заря
Главней всего, а ласковое утро
Всегда найдет заветные слова,
Чтоб приободрить.
Молодость права
Хотя бы тем, что, поступая мудро,
Становишься, увы, совсем несмелым,
И, в коконе житейском схоронясь,
Боишься наступить ногою в грязь,
И ищешь оправданья то и дело.
Листочек первый — молодой бунтарь!
Он только начинает видеть время.
Пусть ветер рвет, а дождь целует в темя,
Ведь календарь — он только календарь.
А может быть, набрав от веток сок,
Порадует природу и пространство?
Увидит циклы даже в постоянстве,
Поймет, как философски мир глубок.

* * *

А там, в этом доме
С цветами в окне,
За гладью простого стекла,
Где сумрак и мебель прижались к стене,
Премудрая старость жила.
Листала страницы потрепанных книг,
Игрушки вязала крючком,
Себя вспоминала, друзей и родных,
Уткнувшись в подушку ничком.

Казалось, что если зажмурить глаза,
То в прошлое можно попасть,
И можно во сне повернуть все назад,
И счастье у кармы украсть.
Все сны проходящи, а мысли? Они
Приходят, уходят, следят,
Как старость считает ушедшие дни,
Что, выстроясь, сзади стоят.

Что было? А было ль? Мы помним лишь то,
Что сердце позволило помнить.
Итогом — всего лишь пробел с запятой
У жизненной книги огромной.

Скрипучее кресло, больные часы,
Ленивые дни, поздний завтрак,
Напольно-циничные «гады» весы.
И все же — надежды на завтра.

А солнце блеснет, ведь ему невтерпех
Залить эту комнату светом.
А старость? Она так похожа на ложь.
Душа же похожа на лето!

Станислав ЧЕРНЯК

* * *

В терпком мареве ладана,
Между ладно и надо
Нам уже предугаданы —
И хула, и награды.

Беспросветие смертного
И раскаянье грешного...
Нам уже предначертано
Вешних вод неизбежное.

Бесконечность с ничтожеством
Нашей жизни убогой.
Как сомнительно тождество
Человека и Бога.

Станислав Владленович Черняк — поэт, прозаик, общественный деятель. Член Союза писателей России. Автор четырех поэтических книг и серии познавательных книг для детей. Лауреат IV Всероссийского конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского (2024), дипломант VI Международного конкурса «Фонарь-2024» и Всероссийского творческого конкурса «По праву памяти» (2025).

В терпком мареве ладана
Свечи и песнопения.
Жить зачем было надо нам?..
Запаситесь терпением...

МЕЖДУ ДЬЯВОЛОМ И БОГОМ

Между дьяволом и Богом	Мы бредем, потупив взоры,
Осторожно, чуть дыша	Путь наш нынешний таков:
(Тоньше лезвия дорога),	От проклятия Авроры
Балансирует душа.	К блеску вечных куполов!

Тело движется несмело,	Между дьяволом и Богом
Ты — вперед, я за тобой!	Жизни длинная верста...
Черное в балансе с белым	Разожми кулак немного,
В этой гамме цветовой.	Покрестись-ка в три перста...

МОЛОХ ВОЙНЫ

Разметался в мареве пространства,
Но стакан воды достать не смог,
Проклиная боли постоянство,
Русский парень без обеих ног.

Он метался на постели смятой,
Он стонал, подушку прикусив.
Вечный крест российского солдата,
Жертва во спасение Руси.

А по жизни парень был не промах.
Впереди лежало сто дорог...
Запах распустившихся черемух
И фантомом боль обеих ног.

Личный крест и личную Голгофу
Не смягчит обилие наград...
Сила воли с искушеньем штофа,
Вечный бой! И вечный Сталинград!

МАСТЕРУ

У каждого героя есть свой крест,
Пока молчат стоящие окрест.
Уйдешь вне срока, даже если молод,
Сюжет банален — Берлиоз и Воланд.

Не абсолютны ни добро, ни зло,
Кому-то просто меньше повезло,
И чтоб его звезда быстрее погасла,
Всегда найдутся Аннушка и масло.

Кровавая луна, окно закрой.
Не свет он заслужил, а лишь покой...
Уходит навсегда, но будет сниться
Всем постояльцам нашей психбольницы.

Все в этом мире — призрачный туман,
Распят Га-Ноцри, счастлив Варраван...
И ничего нам не вернуть назад.
Голгофа. Крест. Дряхлеющий Пилат.

ЮРТА

А я люблю тебя, как прежде,
Питаюсь болью от разлук,
Забыв тепло знакомых рук,
Живу лишь верой и надеждой.

Где искры ярких дней, минувших?
Как холоден печальный взгляд.
Как двух людей вернуть назад,
Друг к другу искренне прильнувших?

Когда и время, и пространство
Вдруг становились неважны...
Теперь стою я у стены,
Слов исповедуя шаманство.

Жизнь все доводит до абсурда —
Мой бубен глух, потерян слух.
Всегда один, нет больше двух,
Как одинока моя юрта.

Сиянья северного нега
Мой осветила оберег.
В сиянье этом — мой успех
В пустыне холода и снега.

Я слышу голос, он взывает
Благословить и отпустить...
Прочна неведомая нить,
Моя любовь не умирает...

СТАРЫЙ КУСТ

Оленьими рогами старый куст
Пытается пронзить бездонность неба,

Весной себя он чувствует эфебом,
Перед которым путь к вершине пуст.

А вместо флага — мусорный пакет,
В дар принесенный ветром из помойки,
Заваленной отходами от стройки,
Которая идет десяток лет.

Колючки на ветвях пугают птиц
И вызывают ненависть прохожих,
Особенно одетых подороже —
В шмотье, что привезли из-за границ.

Засохших ягод неизвестен вкус,
В них сухость жажды, горечь от бывшего.
И их не напитает соком снова.
Они ценны, ну разве что для бус.

Рогатый куст воззрился на восток.
Он ждет зарю и теплоту от лета.
Вполне возможно — песня его спета...
Но видишь чудо — маленький листок?!

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день забытой акварелью, —
Померкли краски, устарел сюжет.
И райских птиц загадочные трели
Затихли на полнотном вираже.

Один рассказ из толщи фолианта.
Потрепанной обложки нет грустней.
Мои находки и твои таланты —
Предания давно минувших дней.

Живешь в дремоте тягостной и сладкой,
Навеянной шуршанием страниц...
Что позади? Не перескажешь кратко.
Что впереди? Мельканье новых лиц.

Где краски взять, чтоб освежить реальность?
И как хранить, чтоб все не растерять?
Ведь новых дней печальную банальность,
Как ни старайся, не запустишь вспять.

А надо ли? Ушло и не вернулось
В тумане — серебрители волос...
Вновь тучи за окном, и мне взгрустнулось.
Так на секунду только, не всерьез...